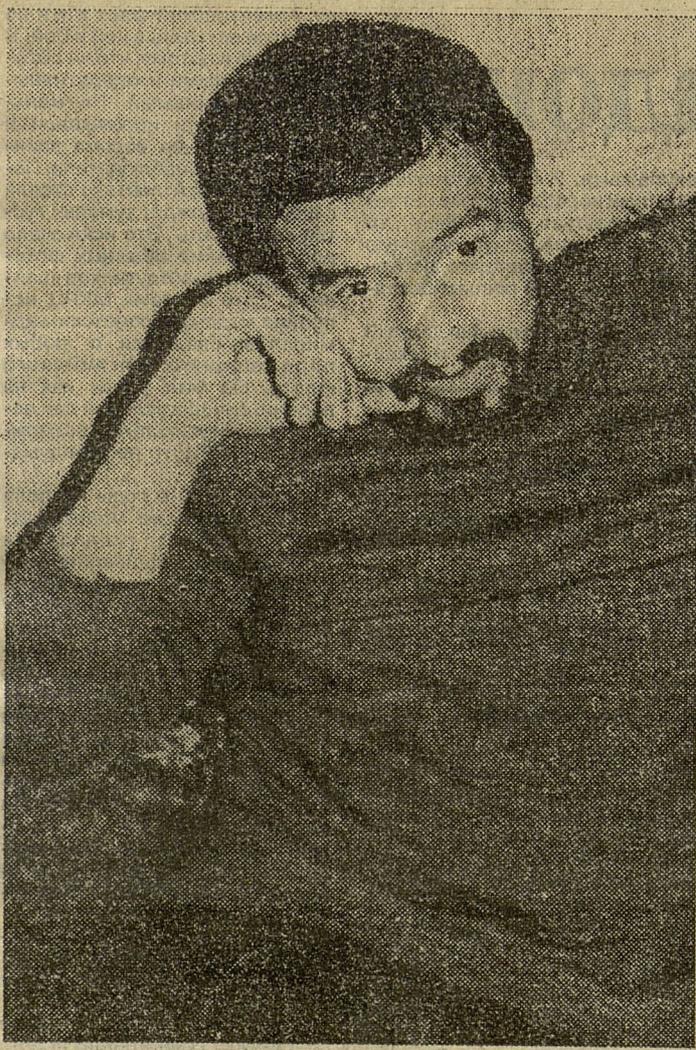

Ширали Виктор

Б. 5.95.

О Ширали - С ЛЮБОВЬЮ

Смена. - с. 178 - 1995. - 6 мая. - с. 7.

любовные истории, приключавшиеся с ним, были связаны нераздельно. Строчки у всех были на слуху. Например, такие:
*«К тридцати мы становимся мастерами себе эпитафий,
Жизнь прожив, / Продолжаем оформлять прожитое в стихи.
Вот лежит Ширали, / Он дорос до счастливой рубахи,
А потом перерос, / И дела его нынче плохи.
Вот лежит Ширали, / Как всегда, не один, а с подругой,
Оба голеньки, как... / Но она, как и надо, с фатой, / Некрофилка,
Сластена, / Себя этой связью погубишь, / Потихоньку прикройся,
И в голос отпой».*

Байки о "подвигах" Ширали ходили самые невероятные. Он на спор знакомился с любой девушкой, на которую указывали приятели, - нырял в толпу и через секунду возвращался уже вместе с ней... Впрочем, Виктор не очень любит, когда в его поэзии - и судьбе - выделяют как основную любовно-эротическую, амурную тему. "Я ведь не только о бабах лучше всех пишу, - обиженно говорит Ширали. - Я и о городе тоже пишу лучше всех". И приводит в пример высказывание "шираливеда" Биневича о том, что "вектор поэзии Бродского - мир-город, а у Ширали - город-мир".

"Где изгибы Фонтанки / Женственны, словно Сирены, / Одиссей Петербурга / Ушей не заткну для измены..."

Константин Кузьминский, опубликовавший громадную подборку Ширали в своей антологии "У Голубой Лагуны", написал, что Бродский - первый трагический поэт Питера, а Ширали - первый лирический. Кузьминский часто не умерен в своих оценках - зато всегда искренен.

Года с 86-го и по 93-й Ширали

практически ничего не писал - хотя именно в этот период началась недолгая мода на вчерашний "андеграунд" (Ширали, впрочем, настойчиво называет себя поэтом не "андеграунда", а авангарда). Вместе со сверстниками его начали печатать и даже приняли в Союз писателей. Не так давно у него вышло избранное в двух томах под названием "Сопротивление". Снова пишет - и стихи, и прозу.

В общении он бывает невыносим. Как, впрочем, и большинство поэтов - не только его поколения.

Бывшие друзья по "Сайгону", по "Клубу-81" потихоньку отмечают свои "полтинники". Сперва Кривулин, следом Охупкин, и вот - "несравненный Ширали", "Конек-горбунок из "Сайгона", как называют его братья-литераторы.

Этому поколению теперь принято сочувствовать: пережив краткий реванш, оно снова как бы оказалось не у дел, и словосочетание "поэт андеграунда" уже ничего, кроме тоски, не вызывает. Думаю; вряд ли они в этом сочувствии нуждаются - все-таки лучший, "подпольный" кусок их жизни стал в какой-то мере и частью нашей общей биографии... А если теперь они за что-то жестко расплачиваются - так четко знают, за что.

И еще одна цитата, на сей раз - из самых последних стихов Ширали:

"И поэтому вспомним и отметим эти моменты / Моей долгой и счастливой жизни / Я прыгал без парашюта / Был затяжным прыжком / И вот наконец Землю под ногами нащупал / Поэтому раздвинь ноги / Рожай от меня дружок".

Максим МАКСИМОВ

Завтра Виктору Гейдаровичу Ширали исполнится 50 лет - событие примечательное для петербургской поэзии, если не сказать эпохальное.

ВИКТОР ШИРАЛИ - фигура легендарная и скандальная на протяжении последних лет двадцати пяти. Не только у старожилов "Сайгона", у младо-"сай-

гоновцев", кумирами которых были уже не поэты, а звезды рок-клуба, имя Ширали вызывало священный трепет. Стихи его, ходившие в самиздате, и